

Небо уже было мрачным, и когда Хуо Ду вошел в ворота дворца, Бай Сюэ окончательно упал духом.

Он поднял глаза и посмотрел на небо, намеренно позволяя снежинкам падать в глаза и таять в них.

-Все меняется день ото дня, только температура льда и снега остается неизменной.

Хуо Ду, опираясь на трость из белого нефрита, медленно шел по дворцовой дороге, его спина всегда была прямой, без малейшего изгиба. Дворцовые служанки и евнухи, проходившие мимо по обеим сторонам дворцовой дороги, останавливались, когда проходили мимо Хуо Ду, и склоняли глаза в почтительном приветствии.

Во дворце ходило слишком много слухов о наследном принце, и большинство из них были ужасающими. И его обычный мрачный и холодный вид, казалось, подтверждал эти беспочвенные слухи.

Тем не менее, дворцовые люди все равно должны были признать, что величие, которое Его Королевское Высочество излучал в своих жестах, было несравнимо с другими принцами.

Даже... он потерял ногу.

Снега становилось все больше, и волосы Хуо Ду покрылись слоем снежинок.

Он холодно смотрел вдаль и шел в сторону императорского сада.

Все, включая Ле Чжи, подумали, что Хуо Чанъюнь поспешил объявить, что вошел во дворец, чтобы противостоять императорскому приказу. А Хуо Ду в глубине души ясно понимал, что причина не здесь.

Снежинки таяли под краем, и вскоре черные волосы Хуо Ду стали мокрыми.

Уголки его губ постепенно подергивались, а сердце было ясно: приближается Лаба, и это тот день, когда его отец, император, раз в году выражает свою привязанность.

В императорском саду цвели красные сливы, казавшиеся еще ярче на фоне серебристо-белого цвета.

Приглядевшись, Хуо Ду увидел Хуо Чанъюня, стоявшего перед деревом красной сливы со сложенными за спиной руками.

Дерево красной сливы было посажено его матерью.

Он медленно подошел и встал рядом с Хуо Чанъюнем, не говоря ни слова, ни приветствия. Хуо Чанъюнь не обращал на него внимания, его взгляд не отрывался от цветущего сливового дерева.

Имперская лесная армия патрулировала дворцовый город, проходя через Императорский сад один за другим, но Хуо Чанъюнь и Хуо Ду продолжали стоять. Казалось, что вокруг этих двух людей стоит холодный и жесткий барьер, заставляющий людей бояться приблизиться к ним.

И дворцовые служанки, и евнухи, и императорские гвардейцы были настороже, не смея издать ни звука, ни даже малейшего звука шагов.

До наступления сумерек во дворце зажглись ночные огни...

"Ду'эр." Хуо Чанъюнь наконец заговорил, его голос, казалось, был покрыт инеем: "Снова приближается годовщина смерти твоей матери, ты все еще не хочешь увидеть ее в этом году?"

Хуо Ду скривил губы и небрежно ответил: "Достаточно того, что ее увидит королевский отец".

Услышав это, Хуо Чанъюнь поднял веки, посмотрел в сторону и ничего не сказал.

Хуо Ду привык к распутству, и он не потрудился сопровождать этого человека, который притворялся ласковым, но лицемерно продолжал действовать. Хлопковые сапоги слегка развернулись, и он повернулся, чтобы уйти...

"Этот Лежи, он тебе все еще нравится?"

"Нравится". Хуо Ду сделал шаг, и, казалось, заинтересовался, с улыбкой в тоне: "Благодаря готовности императора, иначе как бы Эрчен мог опьянеть от нежного города?"

Хуо Чанъюнь нахмурился и холодно фыркнул: "Вот как? Поскольку ты уже испытал радость мужской, женской и мужской любви, почему ты сегодня сопротивляешься указу? Разве благословение людей Ци не плохо?"

"Цок." Хуо Ду презрительно усмехнулся и низким голосом проговорил: "Мой отец сначала дал сыну Си Ши, а потом Дун Ши, у тебя что, голова кружится?"

После паузы он сосредоточил взгляд, как бы серьезно размышляя: "Если император действительно хочет одарить благословением своих сыновей и министров, то почему бы тебе не подарить мне и Ся Фэйтай... Потрясающе, это называется благословением людей Ци".

"Ты ублюдок! Убирайся!" Хуо Чанъюнь был так зол с его очарованным выражением лица, что он почувствовал удушье.

Хуо Ду было все равно.

Иди, иди, иди.

Пока он не вышел за ворота дворца, Хуо Ду наконец-то разжал кулак, спрятанный в рукаве. Из-за слишком большого усилия на ладони ногтем остался глубокий красный след...

Фальшивая улыбка исчезла, и выражение его лица стало холодным, как вода.

То, что Хуо Чанъюнь сказал ранее, казалось непринужденным, но на самом деле это было скрытое искушение. Хуо Чанъюня не волновал его отказ принять императорский указ о браке, его волновало то, почему он отказался.

Когда Хуо Чанъюнь произнес слово Лечжи, сердце Хуо Ду резко упало. На протяжении многих лет его не волновали вопросы жизни и смерти, но только сейчас его грудная клетка наполнилась страхом, и ему стало больно от удушья.

-Похоже, у него болят ребра.

Если бы он сейчас замешкался хоть на мгновение, то чувствительный и подозрительный Хуо Чанъюнь точно смог бы обнаружить его мысли...

Противником Хуо Ду никогда не был Хуо Сюй, а его отец, Хуо Чанъюнь.

Он строил планы в течение многих лет и, естественно, представлял себе неудачный результат.

Но это всего лишь смерть, он может позволить себе проиграть.

В любом случае, даже если он победит, он умрет.

Везде смерть.

Тогда играй.

Но сегодня удушающая боль в груди заставила Хуо Ду внезапно протрезветь...

Он не может позволить себе проиграть.

Особняк принца.

"Мяу~"

Ле Чжи сидела на кровати, уставившись в пустоту, пока Сяо Сюэ Туань в ее руках не прижалась головой к ее ладони, озорно виляя лапами и хвостом.

Мягкий мех погладил ладонь, Лежи пришел в себя и посмотрел на горящую свечу на столе...

Это была красная свеча, которую Линъюэ зажгла после того, как обслужила ее и ухаживала за ней, и большая ее часть уже догорела.

Ле Чжи обняла Хуо Сяоли, встала и, не вставая с кровати, подошла к окну и посмотрела на темноту за окном. Ее глаза были ошарашены.

-Почему Хуо Ду до сих пор не вернулся?

К счастью, из дворца нет других новостей.

Отсутствие новостей - лучшая новость.

Внезапно за дверью раздался звук тяжелых шагов, сопровождаемый легким ударом трости о землю.

Ле Чжи резко развернулась, опустила Хуо Сяоли и поспешила к двери. Когда она протянула руку, чтобы открыть дверь, ее толкнули снаружи...

"Ты вернулась?"

В его тоне прозвучала невольная радость. Ле Чжи протянула руку и схватила его за запястье через узкие рукава, и от нее повеяло холодом и сыростью, она не могла не нахмуриться.

Когда Хуо Сяоли увидел знакомую фигуру, он взволнованно бросился к ногам Хуо Ду, прижав его голову и слегка потирая.

Однако одежда Хуо Ду давно пропиталась снежной водой, и сухой и пушистый мех оказался мокрым и холодным, а мягкий мех мгновенно стянулся в клубок.

"Мяу!" недовольно воскликнул Хуо Сяоли, затем с отвращением повернулся и убежал.

Лечжи не убежала. Наоборот, одной рукой она крепко держала запястье Хуо Ду, а другой рукой коснулась его лба. Когда он замерз, на ее лице появилось легкое раздражение: "На улице идет сильный снег, Ваше Высочество. Почему бы вам не воспользоваться зонтиком!".

Услышав знакомый мягкий голос, Хуо Ду улыбнулся и, не глядя, убрал руку Лежи, чтобы не передать ей холод. Он медленно пошел в сторону ванной комнаты: "Сначала я пойду к Муцзе".

"Вода в ванной холодная, и прошло слишком много времени, чтобы вскипятить воду". Ле Чжи снова схватил свою промокшую одежду и сказал: "Пойдешь к пруду Танцюань?"

Хуо Ду улыбнулся, положил руку на тыльную сторону ладони Ле Чжи и легонько похлопал по ней, предлагая отпустить ее: "Хорошо, я пойду сам".

Услышав это, Ле Чжи нахмурился, и беспокойство, которое он копил почти весь день, мгновенно превратилось в гнев.

- Люди, которые до входа во дворец несли всякую чушь, теперь стали спокойными и серьезными.

Хорошо.

Ле Чжи фыркнул, но не отпустил: "Что? Его Королевское Высочество не любит меня за то, что я дотронулся до него? Ну, если ты что-то скажешь, я обещаю больше не трогать тебя".

О, осталось девяносто девять раз.

Давай, мечтай!

Хуо Ду не знал, смеяться ему или плакать. Ей было слишком стыдно говорить о нем, очевидно, ее собственный темперамент был очень сильным.

Это хорошо, это показывает, что перед ним она боится и робеет все меньше и меньше.

Он не мог не подумать, что Лежи могла быть такой в прошлом.

Кокетливой и дерзкой.

"Пойдем." Хуо Ду позволил ей продолжать тянуть, и хотел выйти.

"Подожди!" Ле Чжи отпустила его руку, поспешила к шкафу, взяла толстый плащ и накинула его на Хуо Ду...

Простояв в снегу большую часть дня, и тело, и разум замерзли. Но в этот момент Хуо Ду почувствовал прилив тепла в сердце.

Не знаю, из-за плаща или из-за нее.

После того как они вернулись из бассейна Танцюань, ночь стала темнее.

Опустив полог кровати, Ле Чжи прикрыла щеки, и в них еще оставалось остаточное тепло. Она немного пожалела об этом, ей не следовало проявлять нетерпение, она должна следовать за ним...

Все, что серьезно, это все понарошку. Как только он снял пальто, он склонился перед ней с

парой улыбающихся глаз -

чтобы извлечь выгоду.

.....

Сцены, которые только что произошли, ясно предстали перед ним. Ле Чжи глубоко вздохнула, должно быть, температура в бассейне Таньцюань была слишком высокой.

К счастью, ее рассудок все еще жив.

К счастью, она быстро бежала.

Крепко зажмурив глаза, Ле Чжи заставила себя перестать думать об этом. Иди спать, просто иди спать.

Сюй была напугана весь день, и Ле Жи быстро уснула. Не знаю, сколько прошло времени, дыхание человека рядом с ним постепенно участилось, а в глубоком голосе слышалась какая-то боль.

Ле Жи спала уже давно, и просыпалась, как только раздавался легкий шум.

Она потерла сонные глаза, подняла руку, чтобы коснуться руки Хуо Ду... Через постельное белье она почувствовала холод.

Очевидно, я только что окунулась в суповой источник...

Сердце затрепетало, и Ле Чжи мгновенно проснулась. Она встала и отдернула занавески, в результате чего в постель проник тусклый свет свечей снаружи. Она подошла к Хуо Ду и тихо спросила: "Вашему Высочеству неудобно?".

"Все в порядке, ты спишь с собой". легкомысленно ответил Хуо Ду, даже не открывая глаз.

Ле Чжи не поверила. Она подняла руку и коснулась его щеки, лба, шеи... Тело Хуо Ду было невыносимо холодным, а на лбу все еще выступила капелька холодного пота.

Где ничего, здесь явно что-то серьезное!

"Что случилось?" Лицо Ле Чжи побледнело от испуга, а его голос задрожал. Долгое время Хуо Ду молчала. Она была так встревожена, что схватилась за пояс его малиновой пижамы, прикусила губу и спросила: "Если Ваше Высочество ничего не скажет, я посмотрю на него с места".

Вопрос Ле Чжи прозвучал агрессивно, но на самом деле в его сердце было очень пусто. Если он по-прежнему будет отказываться говорить, она не посмеет действительно снять с него постельное белье...

Услышав эти слова, Хуо Ду открыл глаза, и слой тьмы покрыл его лаковые глаза. Он пристально посмотрел на Лечжи и, наконец, пошёл на компромисс, лаконично сказав: "Ноги".

Накануне праздника Лаба каждый год Хуо Ду испытывал сильную боль, будь то боль в ноге или боль в сердце... Он не мог понять разницы. В этом году боль стала еще сильнее, возможно, из-за того, что сегодня он слишком долго простоял на холодном снегу.

Ле Чжи поспешно наклонилась и подтянула его ноги в брюках...

Она впервые внимательно рассмотрела его культю, которая на вид ничем не отличалась от обычной икры. Но Ле Чжи чувствовала слабость его икры, она протянула руку и осторожно коснулась ее... Наконец она нашла источник холода по всему его телу.

Его ноги были безжизненны, как кубики льда, только что из ледяного погребца.

На икре был глубокий темно-красный шрам, и Ле Чжи бессознательно протянула руку и погладила его... Ее движения были очень легкими, она боялась причинить ему боль.

Но туман перед ней становился все тяжелее и тяжелее...

"Это не больно".

Глаза Хуо Ду постоянно были на ее лице, и прежде чем она успела спросить, он ответил первым.

Это правда, меридиан был сломан, и его тельце уже давно не болит. Время от времени возникает тупая боль, но это всего лишь фантомная боль за культей.

"Кто тебя ранил?"

Как только прозвучали эти слова, Ле Чжи был ошеломлен. Этот вопрос, право, явно выходил за рамки.

- Она переступает черту.

<http://tl.rulate.ru/book/72434/2055605>